

ЯКОВ АЛЕКСЕЙЧИК

КАК КНЯЗЬ РАДЗИВИЛЛ И ГЕТМАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ РЕЧЬ ПОСПОЛИТУЮ ДЕЛИЛИ

Когда заходит разговор о разделах первой Речи Посполитой, случившихся в конце XVIII века, то почти каждый обыватель в современной Польше скажет, что это исключительно российских рук дело. А уж политик тем более. Да и в Беларуси, даже в России, тоже многие так считают. Правда, историки в той же Польше, притом такие авторитетные, как Павел Ясеница, Валериан Калинка, Александр Бохеньский, всё-таки подчёркивали, что идея разделов возникла не в Санкт-Петербурге, который тогда был столицей Российской империи. Тот же Павел Ясеница в своём исследовании “Речь Посполитая обоих Народов. Картины агонии” отмечал, что “пальма первенства принадлежит Парижу, Берлину, Вене”. Первые поползновения, направленные на разделы, были предприняты именно там, притом ещё до подписания соответствующих соглашений между “поделниками”. Австрия сначала отхватила от Речи Посполитой область Спиш, а затем часть Чорштыньского, Новотарского, Сондецкого староств. Узнав об этом, российская императрица Екатерина II сказала при свидетелях: “Почему бы и всем не взять?”.

Другой не менее авторитетный польский историк XIX века, а одновременно и священник, и краковский повстанец – Валериан Калинка – подчёркивал, что Россия даже сопротивлялась разделам, поскольку была занята войной с Турцией, не видела в них никакой пользы, потому “ни она, ни её министры... не допускали тогда, что Польшу можно было бы завоевать или разделить и вымарать из числа существующих государств”. Александр Бохеньский, в свою очередь, отмечает, что Екатерине II просто необходим был “польский заслон на западе, хранящий её от нападений, но в то же время преданный, зависимый и имеющий силы быть ценным союзником”. Она даже предложила Речи Посполитой увеличить армию до пятидесяти тысяч человек, согласилась выделить на эти цели триста тысяч золотых дукатов, чтобы предпринять совместные военные действия против Турции, притом главнокомандующим союзными воинскими силами должен был стать польский король Станислав Понятовский. Однако тот умудрился целый год не реагировать на такой проект. И императрица “вдруг почувствовала себя обманутой”. Потратив два миллиона рублей золотом на польские дела, она могла утешать себя только тем, “что навязала полякам своего короля”, но уже первые годы правления Станислава Понятовского показали, что Россия “не может рассчитывать на Польшу как на союзницу”. Тогда-то Екатерина на фоне австро-прусского сближения и “под влиянием прусского шантажа встала перед альтернативой:

потерять гегемонию во всей Польше или согласиться на её раздел с возможностью сохранения гегемонии на оставшихся территориях Речи Посполитой". Тем не менее, добавляет Бохеньский, в современной Польше доминирует "освященная А. Мицкевичем" "сказочная схема", согласно которой роль России в тех разделах была главной.

Однако если говорить о польских разделах, то не худо будет отметить, что предпринимались такие попытки и без России. И было их до этого, как минимум, две, притом первая намечалась ещё в конце четырнадцатого столетия, когда ни московская, ни новгородская Русь не имели общих границ с Польшей, а земли нынешней северной и центральной Украины входили в состав Великого княжества Литовского. Тогда автором предложения о разделе был, как ни удивительно, поляк — князь Ополя Владислав. Это он в 1392 году явился к великому магистру крестоносцев Конраду Валленроду и предложил разделить Польшу между Орденом, Бранденбургом, Чехией, Венгрией и силезскими князьями. Однако Конрад отверг предложение, так как ему нужны были все земли над Вислой, а различные попутчики, преследующие собственные цели, могли только усложнить решение задачи.

Есть сведения, что Владислав Опольский действовал по поручению Сигизмунда Люксембургского, в то время короля Венгрии, потом и Чехии, а затем императора Священной Римской империи германской нации, который, похоже, не мог простить, что ему самому, женатому на Марии — родной сестре королевы Ядвиги, — не удалось надеть польскую корону. Ведь польский трон поначалу предназначался Марии и её мужу, поскольку польские законы и обычаи тех времен не допускали нахождения на троне женщины. Ей, а не Ядвиге монарх Польши и Венгрии Людовик Великий завещал трон в Кракове — тогдашней столице польского королевства, ей польская шляхта принесла присягу как будущей своей госпоже, а Сигизмунд переехал жить в Краков, чтобы изучить польский язык, узнать страну и её людей. Однако потом мадьяры всё перепутали, объявив Марию королевой венгерской. Тогда польская корона была возложена на подрастающую Ядвигу, на которой вскоре женился литовский князь Ягайло; он-то и стал польским королём. Вот и мстил Сигизмунд всю жизнь. Перед битвой под Грюнвальдом, в которой в 1410 году рыцари сошлись с польско-литовско-русским войском, он даже выражал крестоносцам готовность за триста тысяч дукатов — это не меньше тонны золота — атаковать Польшу с юга. Павел Ясеница пишет, что, будучи королём Венгрии, он и объявлял такую войну, о чём Ягайло получил сообщение за три дня до судьбоносной схватки, но не стал извещать об этом своих, поскольку, видимо, знал, что мадьярское окружение не поддерживает такое намерение Сигизмунда.

Второй случай более интересный, хотя и менее известный. В числе его "движителей" были князь Богуслав Радзивилл — великий хорунжий и великий конюший Великого княжества Литовского, депутат сейма Речи Посполитой, в которую входили ВКЛ и королевство Польское, а также запорожский гетман Богдан Хмельницкий. Радзивиллов в нынешней Беларуси многие называют белорусскими магнатами. В самом деле, Богуславу принадлежало Слуцкое княжество с городами Слуцк, Копыль, Старобин, Копысь на Днепре и другие имения. Но родился он в Гданьске, умер около Кёнигсберга, в Кёнигсберге и был похоронен. А вообще-то Радзивиллов с таким же успехом можно причислить к украинским вельможам, что, возможно, кое-кто и делает, так как в волынской Олыке, где был построен замок площадью целых 2,7 гектара, тоже гнездилась ветвь этого рода. А в Ровенской области город Радивилово есть. Не меньше оснований и для того, чтобы считать этих магнатов литовскими, где им принадлежали местечки, которые нынче именуются Дубингай, Кейдайнай, Биржай — раньше Дубинги, Кейданы, Биржи. Есть там и город Радвилишкис, названный в честь былых собственников.

Но наличествуют подобные предпосылки и для причисления Радзивиллов к германским родам. На переломе XVIII и XIX столетий жил в Берлине композитор, гитарист, виолончелист, меценат, генерал-поручик Антоний Генрик Радзивилл. Встречался с Паганини, Бетховеном, Шопеном, Гёте. Одновременно полтора десятка лет руководил Великим княжеством Понзаньским, которое было создано после наполеоновских войн на западных землях бывшей Речи Посполитой и входило в состав Пруссии. В его дворце на Вильгельмштрассе, 77 регулярно собиралась вся берлинская знать. По иронии судьбы впоследствии, во времена второго и третьего германского рейха, там же размещалась имперская канцелярия, в которой работали и Бисмарк, и Гитлер, пока в конце 30-х годов Шпеер не построил новую. Сыновья композитора и наместника Вильгельм Павел и Богуслав Фридрих стали прусскими

генералами. В более поздние годы верно служил германской империи его внук Антоний Вильгельм Радзивилл – генерал артиллерии, генерал-адъютант Вильгельма I, пожизненный член “Палаты господ”, как тогда называлась верхняя палата прусского рейхстага. Был в тех рейхах и немецкий художник Франц Радзивилл, который в годы Первой мировой войны воевал на российском фронте, потом стал убеждённым сторонником Гитлера, участвовал в съездах НСДАП, опять надевал военную форму, но уже вермахта. Директор Высшей школы искусств в Берлине Карл Хофер утверждал, что это не Радзивилл, а Нацивилл. В нижнесаксонском Ольденбурге и ныне хранится коллекция его картин.

При желании причислить Радзивиллов к своим могут и французы. Ведь Доминик Радзивилл служил адъютантом у императора Наполеона I, во время войны с Россией содержал за свой счёт целый уланский полк и умер от ран, полученных в “битве народов” под Лейпцигом. Притом к Наполеону он переметнулся, будучи камергером при дворе русского императора. Правда, его вдова вышла замуж за русского военного министра графа А. И. Чернышёва, а дочь Стефания стала невесткой русского фельдмаршала П. Х. Витгенштейна. На свадьбе присутствовала императрица Мария Фёдоровна – мать Александра I, которому изменил отец невесты. Стефании посвящал свои стихи А. С. Пушкин. Чудны дела Твои, Господи.

Однако справедливости ради надо сказать, что был среди Радзивиллов и Лев Людвигович – в польских энциклопедиях Леон Иероним – генерал от кавалерии в русской армии, который хранил верность присяге и ни от кого никогда не бегал. Это тоже был человек разносторонних дарований. Пользовался абсолютным доверием двух императоров – Николая I и Александра II, став в 24 года флигель-адъютантом, выполнял их самые деликатные поручения, включая межгосударственные миссии. Будучи генералом, помог обзавестись дочерью самой Карлотте Гризи – прославленной итальянской балетной прима, первой исполнительнице “Жизели”, бюст которой теперь стоит в парижской Гран-Опера. Как утверждали современники, это был “чистейший польский тип, добрый товарищ, певец-дилетант, балетоман и жуир”, способный рассмешить двух самодержцев. В то же время, будучи офицером отменных качеств, во время Крымской войны он лично водил в атаки свою кавалерийскую дивизию и навечно был зачислен в списки Гродненского лейб-гвардии гусарского полка. Лев Людвигович похоронен в ныне белорусском Несвиже, которым почти полтысячелетия Радзивиллы владели, но в Несвижском музее-заповеднике нет даже портрета этого генерала, хотя в годы его жизни уже довольно широко применялась фотография. О нём вспоминают реже всего. Возможно, за то, что первые свои отличия получил он в боях с польскими повстанцами в Варшаве, или за то, что, приехав в отпуск в Несвиж, за парочку недель очистил от повстанцев всю Минщину.

На нынешних белорусских землях у Радзивиллов было, пожалуй, больше всего имений. Память о себе они оставили разную, но, скорее всего, все без исключения удивились бы, узнав, что их теперь причисляют к белорусам. Ведь даже обычная шляхта, исповедуя сарматизм, исходила из того, что у неё и холопов, которыми она владела, разное этническое происхождение, а холопы ей принадлежат на тех же основаниях, что и домашний скот. Тогда что же говорить о магнатах, да ещё имевших титул князей Священной Римской империи германской нации. Не исключено, что какой-нибудь Кароль Станислав Радзивилл по прозвищу Пане Коханку, услышав от кого-либо в своём Несвиже, что он и его слуги – одного поля ягоды, приказал бы вздёрнуть наглеца на виселицу. В Речи Посполитой помещики имели право даже “на горло” своих крепостных, полученное ещё в 1518 году от короля Сигизмунда Старого, который, как он сам утверждал, устал рассматривать крестьянские жалобы. Образный пример на сей счёт привёл белорусский писатель Владимир Короткевич в своей повести “Седая легенда”, в которой рассказ ведётся от имени швейцарца Конрада Цхакена, служившего у одного из магнатов Речи Посполитой. Тот, увидев мужичка, подметавшего каменные плиты во дворе замка, “видимо, нашёл на ком сорвать гнев:

– Доминик, – сказал он, – если двор будет грязным и утром, я поставлю тебя выше себя.

Я знал это поганое выражение. И невольно посмотрел на верхний двор, где большущей “комнатой” вырисовывалась на синевато-зелёном лунном небе виселица”.

А виселицы стояли на каждой барской усадьбе. И тюрьмы. У Радзивиллов тоже. По пьяни Пане Коханку мог приказать, чтобы его самого отвели в холодную камеру, однако подолгу сидели там, конечно же, другие. Собст-

венное прозвище он фактически изобрел себе сам, потому что именно так – Пане Коханку, то есть Господин-Любимец – он обращался к каждому. Способен был на многое. Приказать драгунам разогнать суд в Минске. Рассказать, что после его романа с сиреной в Балтийском море завелась селёдка. Помочь в церкви, о чём вспоминал современник и критик Иммануила Канта, европейский философ Соломон Маймон, выросший в семье арендаторов в поместьях Радзивиллов. Современный белорусский учёный Адам Мальдос считает, что в рейтинге самых зловещих и ужасных магнатских фигур Пане Коханку претендует на первое место. Зачем, спрашивается, такой “родственник” белорусам? Но теперь о нём на сцене одного из главных минских театров поставлен спектакль, в котором тот самый Пане Коханку показан великодушным, добрым, даже влюблённым в простую крестьянку – своим в доску.

Имели Радзивиллы собственность и на коронных польских землях. Станислав Вильгельм – сын того Радзивилла, который был генералом прусской артиллерии, – служил адъютантом уже у польского маршала Пилсудского и отмечен самым почётным польским военным орденом “Виртути Милитари”, правда, посмертно, так как погиб в 1920 году по время похода на Украину. Однако отношение поляков к этому роду довольно противоречивое. И надо признать, что у них для этого имеются основания. Жизнь упомянутого первым Богуслава, которого не обошёл вниманием и Генрик Сенкевич в своём “Потопе”, тому одно из подтверждений. Его можно отнести не только к литовцам и полякам, но и к шведам, и к немцам. Стокгольмский монарх за серьёзные услуги благодетельствовал его званием шведского фельдмаршала, а перейдя на службу к бранденбургскому маркграфу Фридриху Вильгельму, он получил должность генерал-губернатора герцогства Прусского. Занимался великой хорунжий, великий конюший и депутат сейма Речи Посполитой куда более крупными делами, чем тот же Пане Коханку или Лев Людвигович. Даже пытался решать, быть или не быть самой Речи Посполитой, в которую входило Великое княжество Литовское, да и судьбу княжества тоже. Более того, намеревался обзавестись собственным государством. Предпринята была такая попытка в декабре 1656 года подписанием пятистороннего трактата в тогда венгерском, а ныне румынском городке, который назывался Раднот.

То было весьма трудное время для Речи Посполитой. Уже восемь лет она вела борьбу с казаками Богдана Хмельницкого, и её войско потерпело несколько тяжёлых поражений, особенно под Жёлтыми Водами и Корсунем. Более двух лет тянулась война Речи Посполитой с Московским государством, которое, подписав в 1654 году Переяславскую раду и поддержав гетмана Хмельницкого, стремилось вернуть себе входившие в ВКЛ русские земли. Московские войска уже заняли почти всю территорию нынешней Беларуси и Литвы, включая Вильно – столицу ВКЛ, – царю присягнули даже жители Люблина. Под польским контролем оставался только Львов, который откупился от Хмельницкого, воюющего на стороне царя, но преследующего свои цели.

Как откупился? Какие свои цели? Дело в том, что, приняв покровительство Москвы, гетман, тем не менее, поддерживал особые отношения с крымским ханом, шведским королём и до смерти платил дань турецкому султану. Уже через год после Переяславской рады, на которой он поклялся в верности царю, казачий предводитель, утверждает польский историк Мариуш Стангрецюк, сделал попытку вновь вернуться под руку польского короля Яна Казимира. А современный украинский историк и архивист Виктор Брехуненко, анализируя роль Швеции в политических концепциях Хмельницкого, напоминает, что сразу после той рады гетман направил своего делегата Данила Калугера и в Стокгольм. И в устной инструкции поручил ему предложить Швеции “вечный мир, пакт о взаимной помощи против третьей стороны”, а также “уверения, что казаки встанут на стороне Швеции, если Москва предпримет против неё военные шаги”. В сентябре 1655 года, принимая шведского делегата Торквата, он выразил радость, что в ответ на казачьи просьбы шведский король “обещает нам уважение, защиту и дружбу”, пишут оба историка – и Стангрецюк, и Брехуненко. Ещё один польский аналитик, Збигнев Вуйцик заметил по этому поводу, что “гетман видел в Швеции союзника одновременно и против Польши, и против Москвы”. В политическом четырёхугольнике Москва–Стамбул–Варшава–Стокгольм, в котором все враждовали между собой, Хмельницкий усиленно старался позиционировать себя так, чтобы каждый не забывал о нём, ибо казаки уже стали серьёзным военным фактором, да ещё и опасался, что они повернутся к нему спиной, поскольку в таком случае нарушится расклад сил. Притом не только опасался, но и приплачивал, чтобы не отвернулись. А уж за услуги – тем более. Разумеется, каждая из сто-

рон названного четырёхугольника не исключала использования казаков в собственных целях. Шведский монарх, к примеру, объявивший войну Польше, присматривался к ним очень внимательно.

Время от времени в эту игру, за деньги или по собственному желанию, вступали и игроки помельче, например, крымский хан или семиградский князь, говоря иначе, правитель княжества Трансильвания. Ещё в 1649 году после своих звучных побед украинский гетман направил посольство к семиградскому владетелю Дьёрдю II Ракоци и предложил ему, как теперь говорят, баллотироваться на трон Речи Посполитой. Правда, перед этим письмо с таким же предложением он послал в Москву, российскому царю Алексею Михайловичу. В своих планах Богдан искал поддержки и у Януша Радзивилла – польного гетмана литовского, то есть походного (полевого) командующего войском ВКЛ, а с 1654 года – уже великого гетмана литовского, главнокомандующего вооружёнными силами ВКЛ, который, “пышный, как Люцифер”, с самим королём Речи Посполитой разговаривал в неприязненном тоне, позволял себе не выполнять его приказы, в пику ему поддерживал активные контакты с шведским монаршим домом.

Виктор Брехуненко полагает, что Хмельницкий хорошо разбирался в людях и умел использовать их в собственных интересах. Его главной целью, по мнению украинского исследователя, было “создание системы покровительства Гетманщины одновременно со стороны нескольких соседних государств”. Именно балансирование между четырьмя столицами считалось “за наилучший способ формирования внешней политики, направленной на то, чтобы утвердить казацкое государство на карте Европы”. Так что к Москве и Переяславской раде Хмельницкий пришёл не сразу. Даже в своей речи на той раде он дал понять, что выбор делал из всех не совсем ему приятных вариантов. Павел Ясеница в книге “Речь Посполитая обоих народов. *Kalamitatis Regnum*” иронично подмечал, что в течение многих лет “Богдан Хмельницкий, извиваясь, как в кипятке, пробовал испытать себя в искусстве архиепископской, поддающей только настоящим мастерам игры сразу на трёх инструментах одновременно”. Московскому царю обещал Волынь и Красную Русь – Львов, Галич, шведскому Карлу Густаву – сотрудничество, а польскому королю Яну Казимиру в трудные для того времена “слал письменные заверения в преданности, звал его возвращаться в страну и обещал, что поможет ему возвратиться на трон”. Речь Посполитая тогда видела Хмельницкому в качестве рыхлой федерации Польши, ВКЛ и казацкого Гетманата, в которой он будет пусть не на троне, но на хорошем коне, где с ним будут считаться не только его высочества, но и его величество.

Пожалуй, самой последней, возможно, главной попыткой Богдана Хмельницкого всё переменить на свою корысть было его участие в планах шведского короля Карла X Густава, который воевал с Речью Посполитой. Стокгольмский монарх в то время был настолько силён, что при упоминании о шведах у тех же немцев начинали трястись поджилки. В 1655 году Карл Густав, заявив о своих претензиях на польский престол, захватил не только Варшаву, но и Краков. В его планах был задействован сначала Януш Радзивилл, 20 сентября того же года заключивший со шведским королём Кейданскую унию, по которой Великой княжество Литовское выходило из Речи Посполитой – польско-литовской федерации – и вступало в такой же союз со Швецией. Радзивиллу виделось литовское княжество во главе с ним самим. Но его не поддержала шляхта ВКЛ, а сам Януш неожиданно умер; одни до сих пор утверждают, что от апоплексического удара, другие, другие – что наложил на себя руки от неудач, третьи – что его отравили.

А дела у Речи Посполитой тогда были настолько плохи, что король Ян Казимир вынужден был покинуть страну. Как пишет ещё один польский историк Кшиштоф Косажецкий, уже мало у кого теплилась надежда на возрождение польского государства. Магнаты и шляхта метались. На коронных польских землях они присягали шведскому королю, а на нынешних литовских и белорусских территориях клялись в верности, как правило, московскому царю. При этом Косажецкий не без юмора замечает, что перед шляхтой ВКЛ стояла более сложная задача, чем перед коронной: если той предстояло выбирать между своим и шведским королём, то великокняжеской – между своим, шведским и московским монархами. Постепенно ценность присяги сильно деградировала. Давали клятвы тому, кто больше обещал, присягавшие заранее знали, что держат слово не будут. К примеру, Павел Сапега, второй после Радзивиллов богач в ВКЛ, окопавшись у Бреста, слал уверения в верности и польскому королю, и московскому царю, но одновременно принимал швед-

ских послов. Тогда магнаты, располагая золотым запасом, имели и воинские контингенты, включая наёмные из иностранцев, которым и король позавидовал бы.

Успехи же короля Карла X Густава, наоборот, были велики на всех направлениях. Шведские войска появились уже и на Браславщине – это север нынешней Белоруссии. Всерьёз заволновались и в Москве. Там уже начинали понимать, что военного соперничества со скандинавским соседом не удастся избежать и ей, потому усиления этого соседа за счёт Польши совсем не желали. И пошли на перемирие с Речью Посполитой. Оно было подписано в Вильно 24 октября 1656 года. А ещё 17 мая 1656 года царь Алексей Михайлович объявил войну Швеции. Прекращением конфликта Московского государства с Польшей заинтересовалась и Вена. Как писал русский историк Сергей Соловьёв, “опасно было для Австрии падение союзной католической Польши и усиление на её развалинах враждебной, протестантской Швеции, и вот Фердинанд III поспешил явиться посредником между царём и Яном Казимиром, чтоб освободить Польшу от московской войны и, если можно, обратит царское оружие против Швеции”. По условиям Переяславской рады, отмечает Мариуш Стангрецюк, в войне Москвы со Стокгольмом казаки должны были выступить против шведов. Но гетман решил иначе.

Виктор Брехуненко не случайно подчёркивает, что в том четырёхугольнике друзей не было. Каждый из “ловцов” пытался поймать свою рыбку. Крупный – большую, послабее – рыбку помельче, но желанную. Среди них оказался Богуслав Радзивилл – двоюродный брат Януша, во многом похожий на кузена ухватками. Кстати, они являлись не только двоюродными братьями: Анна Мария – жена Богуслава – была дочерью Януша. Богуслав тоже решил поискать счастья под шведской звездой. А стокгольмский монарх, играя на аппетитах попутчиков, старался осуществить свою основную задачу: демонтировать Речь Посполитую, притом вовлечь в этот процесс многих. И вот 6 декабря 1656 года представители шведского короля, курфюрста бранденбургского Фридриха Вильгельма, князя Богуслава Радзивилла, гетмана Богдана Хмельницкого и князя семиградского, то есть трансильванского Дьёрдя II Ракоци, подписали трактат, на основании которого земли Речи Посполитой должны были быть поделены между пятью претендентами.

Мариуш Стангрецюк подробно перечисляет добычу каждого. Швеция по тому трактату получала кёнигсбергскую Пруссию, польскую Куявию и часть Мазовии – северо-восток Польши. Плюс литовскую Жмудь – это вся нынешняя Литва и северные белорусские территории, а ещё Курляндию и Инфлянтскую земли, которые теперь являются Латвией и Эстонией. Хозяин Берлина курфюрст бранденбургский загребал Вармию, соседствующую с Пруссией, и пять северных польских воеводств. Князь Богуслав Радзивилл брал новогрудское воеводство в качестве своего удельного княжества и гарантию прав собственности на все свои имения в других регионах. Украина становилась удельным государством Богдана Хмельницкого. Как подчёркивает Стангрецюк, тогда “гетман Богдан Хмельницкий имел шансы избавиться от российского верховенства, украинские земли могли получить полную суверенность”. Кроме того, он претендовал и на южные белорусские земли, занятые в то время войсками московского царя, на Смоленск, а на западе – на территории до самой Вислы. Князю Дьёрдю II Ракоци отходили Малопольша, Подлясье, Люблинщина – почти все южные территории нынешней Польши. Он становился крупным европейским владетелем, хотя всего семь лет назад просил признания своей власти в Трансильвании даже у казацкого гетмана Богдана.

Мариуш Стангрецюк отмечает также, что тот трактат “стал кульминационным пунктом политических и военных событий, которые разыгрывались в Речи Посполитой с 1648 года”. Договор максимально устраивал всех подписантов, особенно шведского короля. Ради достижения поставленной цели “в пользу бранденбургского правителя он отказался от Пруссии, Вармии и Великопольши. Отказался также от Малопольши в пользу Дьёрдя II Ракоци и части Литвы в пользу Богуслава Радзивилла. Зато овладение наиценнейшей провинцией польской короны – Королевской Пруссией, – а также присоединение Курляндии и Инфлянтов (Ливонии. – Я. А.), бывших до этого польскими, сделало возможным исполнение мечты Карла Густава о доминировании на Балтийском море, то есть о превращении этого моря в шведское озеро”.

Однако как раз это и не понравилось в Западной Европе. План превращения Гданьска в шведский порт сразу же встретил резкое неприятие морских государств, первым среди которых тогда были Нидерланды. Именно туда из Гданьска направлялось морским путём всё зерно, производимое в Речи По-

сполитой. Жёстко отреагировала и Дания, которая тоже теряла “всякое влияние на Балтийском море”. Она объявила Швеции войну. Не намеревалась поддерживать такой раздел и Англия. Кроме того, уход Гетманщины в самостоятельное государственное плавание всего через два года после Переяславской рады, где она присягнула московскому царю, не мог понравиться России.

Получение курфюрстом бранденбургским части Пруссии начинало грозить и доминированию австрийских Габсбургов в центральной Европе, потому австрийский цесарь заключил с Польшей союз и прислал на помощь 4000 войска. Не были заинтересованы в Вене и в укреплении Дьёрдя Ракоци, который при поддержке шведов уже занял Краков и Варшаву, где учинил резню населения. Однако пришла весть об ударах датских войск, шведам пришлось маршировать на север, а без их пособления удержаться на польских землях Ракоци не мог. У него возник конфликт и с Богданом Хмельницким, с которым не получалось поделить отторгаемые от Речи Посполитой территории. В частности, обоим хотелось получить Львов – центр воеводства, которое, кстати, в самой Польше называлось Русским.

Турецкому султану тоже не нравилось, что Ракоци может возложить на себя польскую корону, потому крымский хан получил приказ охладить амбиции трансильвальца. Охлаждение производилось татарскими саблями. Нанёс ему поражение и польский гетман Стефан Чарновецкий под Чёрным Островом – теперь это Хмельницкая область. Через каких-то полгода после подписания трактата умер Богдан Хмельницкий. В дальнейшем судьба распорядилась так, что через семь лет после его смерти Стефан Чарнецкий занял хутор Суботов – владение самого казацкого гетмана, где был похоронен он и его сын Тимофей, и приказал разрушить их гробницы в Ильинской церкви, а тела выбросить на рынок.

Вскоре и бранденбургский правитель, узнав о позиции Австрии, Голландии, Дании, Англии, помирился с польским королём. Последним – через пять лет – от трактата отступился воевавший на несколько фронтов шведский монарх Карл X Густав. Говоря иначе, на нарушение европейского равновесия, заключает Мариуш Стангрецюк, не готовы были пойти ни морские государства, ни австрийские Габсбурги, ни Россия. Потому трактат не был реализован, что и спасло Речь Посполитую.

Богуслав Радзивилл вскоре после подписания трактата стал шведским фельдмаршалом. А когда ситуация поменялась, перешёл на службу сначала к союзнику, а затем противнику шведского короля, бранденбургскому курфюрсту Фридриху Вильгельму, и получил должность прусского генерал-губернатора. Потом снова покорился польскому королю, приезжал в Варшаву, участвовал в заседаниях сейма. Говорят, что часть надгробия, установленного на его могиле в Кёнигсберге, нынешнем Калининграде, сохранилась до наших времён. Современный польский публицист Рафал Земкевич в своей книге “Поляцтво”, рассуждая о проблемах своей страны в прошлом, выразил удивление, почему ни один из этих Радзивиллов – ни Януш, ни Богуслав – не был повешен.

Тогда Речи Посполитой повезло. Но всё, случившееся в те годы, содержало, как минимум, два серьёзных намёка. Один из них состоял в том, что внешние враждебные факторы, даже при наличии внутреннего разброда, не всегда приводят к тотальному исходу страны, пусть и находящуюся в тяжёлом состоянии, если у её элиты ещё сохранился охранительный инстинкт, если она, как говорил Павел Ясеница, “умела мыслить политически” и расставлять приоритеты в пользу государства. Тем более что внешние факторы способны входить в противоречия между собой, что и случилось тогда с русскими и шведскими, шведскими и датскими интересами. Другой намёк: в Речи Посполитой были сложности в самом главном – некоторые магнаты позволяли себе поставить собственные интересы выше государственных. Вскоре в такую позу встала шляхта, на полную мощь заработало право на “либерум вето”, из-за которого сейм десятилетиями не мог принимать никаких решений, так как для этого достаточно стало возражения одного лишь депутата. Кстати, как утверждает польский журналист и историк Анджей Зелиньский в книге “Скандалисты на тронах”, впервые такое вето применил депутат Владислав Сициньский – тоже известный как “клиент дома Радзивиллов”. В то самое время жил и действовал Иероним Радзиевский, который вошёл в польскую историю как национальный предатель. А ведь он был и великим коронным подканцлером, то есть заместителем министра иностранных дел по-нынешнему, и даже маршалом сейма – человеком, который ведёт его заседания. Но ко времени шведского нашествия на Польшу переметнулся на сторону шведов, призывал

шляхту переходить под покровительство Карла Густава, притом не без успеха. Через него и Богдан Хмельницкий выходил на связь с шведским королём. Речи Посполитой оставалось жить менее полутора лет.

А Хмельницкому с его планами превратить Гетманщину в полноценное государство не повезло. Павел Ясеница, подводя итог всем делам гетмана, пришёл к выводу, что вожакам казаков не хватило закалки, под которой историком подразумевалась «традиция государственного бытия». Иными словами, у казачьей старшины не было политического опыта, который уже или ещё наличествовал у элит Польши и ВКЛ. Потому та старшина и металась в разные стороны, на самом деле борясь, прежде всего, за личные интересы и выгоды. У того же польского короля она усиленно добивалась получения для себя шляхетских прав. Говоря нынешним языком, стремилась в Европу. С личных обид начиналось и противостояние самого Хмельницкого с властями Речи Посполитой. О том, как жил Богдан до пятидесятилетнего возраста, известно очень мало. С точностью не установлены год и место рождения, даже происхождение. Были утверждения, что он вовсе не малоросс, а поляк. Кто-то говорил, что его родословная ведётся от крещёного еврея Берко. Канадский историк Пол Роберт Магочи считает, что у него по отцу белорусские корни. Но с большой долей уверенности можно утверждать, что он до седых волос был верным подданным польского короля и после многих жизненных передраг, в числе которых был двухлетний турецкий плен и работа на галерах, жил себе спокойно на своем хуторе Суботов с молодой женщиной Геленой, с которой сошёлся после смерти жены. Но его, как говорится, довели.

Сначала сосед-поляк Чаплинский напал на хутор, похитил Гелену и жестоко избил маленького сына. Обращения в суды оказались бесполезными. Хмельницкий отправился к самому королю Владиславу IV, с которым был знаком лично, потому что воевал на его стороне, когда тот претендовал на московский трон. Тогда он даже получил от Владислава золотую саблю за спасение монарха от попадания в плен в одной из боевых стычек во время польско-русской войны 1635 года, о чем писал дореволюционный исследователь П. Н. Буцинский. Потом не раз Богдан бывал у короля в составе различных казачьих депутатий, пользовался уважением при дворе. Однако на сей раз Владислав принял его холодно, высказав удивление тем, что казаки, имея сабли, не защищают своих привилегий. Богдан даже попал в тюрьму. Освободившись из неё при помощи друга — черкасского полковника Барабаша, — сразу же отправился к запорожским казакам. Будучи человеком сообразительным, он уразумел, что, если и король не в силах защитить кого-то от произвола местных князьков, значит, с таким государством нужно разговаривать по-другому и на темы, важные не только для него самого. А настроения людей на берегах Днепра ему были хорошо известны. Понимал он и то, что берётся за дело весьма рискованное, но, тем не менее, взялся за него. Казаки приняли его с энтузиазмом, избрали своим гетманом. И оставшиеся девять лет жизни Хмельницкий изо всех сил варился в самом крутом политическом кипятке.

Итог всей деятельности гетмана и его последователей, сформулированный Павлом Ясеницей, звучит весьма печально: «Богдан Хмельницкий был, несомненно, выдающимся организатором и вождём, пожалуй, и политиком тоже. Однако свадьбы и разводы поочередно с татарами (крымскими. — Я. А.), Турцией, Речью Посполитой, Москвой, Швецией и Трансильванией не могли продолжаться бесконечно... Славный гетман запорожский не смог водворить судьбу Украины ни в какую действительность: ни в федеративную польско-литовскую, ни в московскую, ни в татарскую. Его преемники шли по следам мэтра, по-прежнему стараясь продолжать игру, а в итоге делали всё, что могли, чтобы подготовить раздел Украины». Пол Роберт Магочи в своей «Истории Украины» тоже пишет, что для одних Богдан Хмельницкий — герой, для других — злодей, плут, олицетворение дьявола. Для польских историков это сугубо деструктивная фигура, разрушавшая польскую государственность. Для российских и советских — лидер, который успешно привёл православную Малую Русь к объединению с Великой Россией. В Киеве называют его одновременно человеком, который осуществил идею украинской независимости, «дремавшую несколько столетий», но осуждают за подчинение Москве, полагая, что это стало «ужасным поворотным пунктом в историческом развитии» их страны. А еврейские историки, пишет Пол Роберт Магочи, смотря на Хмельницкого, как на подстрекателя первого геноцида евреев в истории нового времени, напоминая о массовых убийствах евреев во время тех потрясений.

Происходившее на берегах Днепра после смерти гетмана до сих пор и в народе, и у историков называется Руиной. Это было по сути своей граж-

данской войной, в которой мало кто из продолжателей политики Богдана умер своей смертью. В том числе и его сын Юрий, который побыл гетманом, монахом, снова гетманом, но был задушен в Каменце-Подольском по приказу турецкого паши за жестокости и самодурство, а труп его выброшен в реку. В 1686 году договором о Вечном мире между Русским царством и Речью Посполитой казачий Гетманат был поделён по Днепру. После этого Речь Посполитая свою часть сразу же ликвидировала. На российском Левобережье он просуществовал ещё почти сто лет. И продолжало там случаться всякое. Вплоть до Мазепы, которому тоже понравилась Швеция. В 1764 году Екатерина Великая окончательно упразднила звание гетмана Войска Запорожского.

Теперь трудно обойтись без упоминания об этом и о Богдане Хмельницком ещё и потому, что на Украине вновь война, а знакомство с изощрённым маневрированием казачьего гетмана и его последователей в какой-то мере проливает свет на истоки политики, которую после распада Советского Союза проводили руководители уже независимой Украины. Им тоже очень хотелось подчеркнуть свою значимость перед многими сильными мира сего, от всех получать приплату за своё доброе расположение, жить на эту приплату, полагая, что они остаются абсолютно свободными от всех и от всего, даже от забот о развитии собственного государства. И вот результат, стреляющий как в прямом, так и в переносном смысле. В 2011 году – через двадцать лет после обретения Украиной полной независимости – журнал Forbes поместил её на 4-е место в рейтинге десяти худших экономик мира. После Гвинеи. Ныне ситуация ещё хуже. Дело вновь пахнет тем, что на украинских просторах, как утверждал Киплинг, правда, по иному поводу, восток и запад уже никогда не сойдутся.

Никколо Макиавелли, которого нынче модно цитировать, напоминал политикам, что “желающий предвидеть будущее должен обратиться к прошлому, потому что все события в мире во всякое время могут быть сопоставлены с подобными же им в старину”. Ведь “действуют в них люди, как и прежде, обуреваемые одними и теми же страстями, что приводит к одинаковым результатам”. Такое ощущение, что писал он о нынешней Украине. Правда, российский историк В. О. Ключевский, несомненно, читавший Макиавелли, утверждал, что история учит только тому, что она ничему не учит. Кто из них прав? Ни тот, ни другой или оба? Или всё зависит от учеников? Или кто-то наловчился пользоваться тем, что история не всегда и не всех учит, потому, не исключено, даже заинтересован, дабы “неудов” было побольше? Тогда, возможно, был прав литовский президент Альгирдас Бразаускас, который двадцать лет назад в интервью автору этих строк с заметной горечью сказал, что человек – это такое существо, которое не умеет учиться на чужих ошибках, ему надо обязательно расквасить собственный нос...

г. Минск